

Османо-мамлюкская война 1516–1517 гг. в описании египетского историка Ибн Зунбуля

Т. А. Рыженкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Рыженкова Т. А. Османо-мамлюкская война 1516–1517 гг. в описании египетского историка Ибн Зунбуля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 569–587. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.407>

Публикация посвящена сочинению XVI в. «Конец временной династии и приход династии османов» египетского историка Ибн Зунбуля ар-Раммаля и описываемым в нем событиям Османо-мамлюкской войны 1516–1517 гг. Это наиболее значимая работа Ибн Зунбуля. Труд написан в художественном стиле и повествует о поражении предпоследнего мамлюкского султана Кансуха аль-Гури в войне с османским правителем Селимом I и последующей оккупации османами Сирии и Египта. Описанные египетским историком события стали судьбоносными для народов Ближнего Востока. Мамлюкский султанат прекратил свое существование, а Египет из суверенного государства превратился в одну из провинций Османской империи, управлявшуюся из Стамбула. В своем сочинении Ибн Зунбуль проявляет наибольший интерес к двум темам. Во-первых, он ищет причины конфликта, вспыхнувшего между Селимом I и Кансухом аль-Гури и приведшего к краху мамлюкской империи. Во-вторых, он задается вопросом, почему мамлюки проиграли в войне с османами. Несмотря на нескрываемое восхищение боевыми качествами мамлюков как рыцарей, их тактикой ведения боя и отвагой, историк вынужден признать, что мамлюки не смогли устоять перед огнестрельным оружием османов, активно применяемым ими на протяжении многих десятилетий. «История» Ибн Зунбуля — одна из трех написанных современниками событий работ на арабском языке, в которых подробно изложено завоевание Египта османами. В статье предпринимается попытка определить значимость работы Ибн Зунбуля в качестве источника по истории Египта первой половины XVI в.

Ключевые слова: Османская империя, мамлюки, Мамлюкский султанат, Египет в XVI в.

Введение

Османское завоевание Сирии и Египта в 1516–1517 гг. повлекло за собой масштабные изменения на геополитической карте Ближнего Востока. Мамлюкский султанат (1250–1517) прекратил свое существование. Сирия и Египет, которые входили в состав единого государства, разделились на две крупные провинции, вошедшие в состав Османской империи и теперь управлявшиеся из Стамбула. Мамлюки, хоть и сохраняют впоследствии политическое влияние в Египте, уже никогда не смогут вернуть себе верховную власть на ближневосточных территориях.

В результате вторжения в исламские земли османы сумели за короткий период присоединить к своей империи Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджаз, часть Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана и установили господство над Красным морем и Персидским заливом. Эти завоевания сыграли роль в дальнейшем установлении различной степени влияния османов над странами Северной Африки. Таким образом, всего за несколько лет турки присоединили к своей империи территории намного более обширные по площади, чем те, которые были завоеваны ими в Европе в течение столетий.

Завоевание Египта в 1517 г. явилось частью величайшей в истории Османской империи экспансии в мусульманские страны, осуществленной менее чем за три года (1514–1517 гг.). Двумя мусульманскими противниками османов в их мощном продвижении на восток и юг были суннитская империя мамлюков, которую они уничтожили, и основанная в 1502 г. на территории Ирана и Ирака шиитская империя Сефевидов. Несмотря на то что в сражении на равнине Чалдыран (1514 г.) османы нанесли Сефевидам тяжелый удар, последним удалось устоять, восстановить силы и на протяжении веков оставаться источником постоянной угрозы для Османской империи вдоль ее восточных границ [1, p. 126].

К концу XV в. Мамлюкский султанат в Египте переживал период упадка, в то время как его северный сосед — Османское государство — развивался быстрыми темпами. Несмотря на то что во время правления предпоследнего мамлюкского султана Кансуха аль-Гури (1501–1516) страна смогла наконец выйти из экономического и политического кризиса, вызванного продолжительной борьбой за власть различных мамлюкских кланов, Египет безнадежно отставал от своих османских противников в развитии и располагал гораздо менее оснащенной армией.

Кроме того, открытие португальцами в 1488 г. морского пути в Индию через Мыс Доброй Надежды лишило Египет прежних доходов от торговли пряностями, что отразилось на и без того затруднительном экономическом положении страны. Торговая и военная активность португальцев в водах Индийского океана составляла также угрозу для красноморского региона и мусульманских святынь Хиджаза.

В 1516 г. османский султан Селим I Явуз («Грозный») (1512–1520) выступил в поход на мамлюкские владения в Сирии. Первое сражение произошло 24 августа 1516 г. на равнине Мардж Дабик к северу от Халеба (Алеппо). Мамлюкская армия не смогла противостоять османскому войску, оснащенному огнестрельным оружием. Кансух аль-Гури, руководивший отрядами мамлюков, погиб в бою.

После битвы при Мардж Дабике остатки мамлюкской армии отступили в Египет, где был избран новый султан Туманбей — племянник и преемник Кансуха аль-Гури. Туманбей начал снаряжать новую армию, чтобы дать отпор туркам-османам, которые к тому времени заняли Сирию и начали наступление на Египет. 22 января 1517 г. произошло решающее сражение при Ридании к северу от Каира, в результате которого египетская столица была подчинена туркам. Туманбей, отступивший с остатками войска на юг, еще около двух месяцев пытался противостоять османам, однако в результате был выдан Селиму Явузу одним из бедуинов, давшим ему укрытие, и прилюдно повешен под аркой ворот Баб Зувейла в Каире.

События Осmano-мамлюкской войны 1516–1517 гг. в достаточной мере освещены как в арабских и османских, так и в европейских источниках первой половины XVI в. В истории не так много случаев, когда завоевание одной империи другой

описывалось настолько детально, иногда день за днем, с предоставлением четкой картины противостояния различных традиций, менталитетов и взглядов [2, р. 490].

Важнейшим источником о последних десятилетиях существования Мамлюкского султаната, османском завоевании и первых шести годах османского владычества является превосходная хроника «Диковинки цветов в событиях веков» (بدائع الزهور في وقائع الدهور) Ахмада ибн Мухаммада ибн Ийаса аль-Ханафи (1448–1524), уроженца Каира и свидетеля переломных для Египта событий первой четверти XVI в. Ибн Ийас был родом из знатной мамлюкской семьи черкесского происхождения и имел тесные контакты со многими эмирами и высокопоставленными чиновниками. [3, р. 6] Он был знаком с политическими событиями и отождествлял себя с жителями Каира и режимом мамлюков, стараясь при этом оставаться точным и беспристрастным в описании событий. Его трудами заканчивается богатая серия исторических произведений мамлюкской эпохи.

Еще один автор, Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Тулун (1473–1546), родом из Дамаска, также стал очевидцем османского завоевания. Будучи видным правоведом и ученым, Ибн Тулун большую часть своей жизни посвятил науке и писательской деятельности. Помимо истории и фикха, его труды посвящены таким отраслям знаний, как медицина, толкование текстов, жизнеописание и др. [4, р. 291]. Застав и мамлюкский, и сменивший его османский режимы, он, похоже, избегал участия в какой-либо политической деятельности [5, р. 957]. Хроника Ибн Тулуна под названием «Занимательные истории друзей о событиях эпохи» (مفاكهة الخلان في حوادث الزمان) и некоторые другие сочинения, хотя и уступают работам Ибн Ийаса по полноте и детальности повествования, дают немало новой и ценной информации, представляя собой взгляд сирийского интеллигента на события османо-мамлюкского противостояния. В сочинении Ибн Тулуна большее внимание уделяется военным действиям в Сирии ввиду их территориальной близости к автору.

Ибн Зунбуль ар-Раммаль и его описание Османо-мамлюкской войны 1516–1517 гг.

Исследуя Османо-мамлюкскую войну 1516–1517 гг., невозможно пройти мимо еще одного арабского источника XVI в. — сочинения о походе Селима I против мамлюкского султана Кансуха аль-Гури египетского историка Ибн Зунбуля Ахмада ибн 'Али ар-Раммаля аль-Махалли. Ибн Зунбуль ар-Раммаль жил в Каире. Точные даты его жизни неизвестны, однако некоторые исследователи, опираясь на сведения из его космографии «Дар королей и объект желаний для того, что есть на суше и море чудесного и странного» (تحفة الملوك والرغائب لما في البر والبحر من العجائب والغرائب), полагают, что он родился в городе аль-Махалла аль-Кубра (на что указывает также его нисба) в Дельте Нила приблизительно в 1500 г. В «Даре королей...» автор прославляет многочисленные достоинства своего родного города. Умер Ибн Зунбуль, предположительно, после 1573 г.

Прозвище Ибн Зунбуля «ар-Раммаль» указывает на возможность того, что он занимался практикой гадания на песке. В переводе с арабского языка *рамль* значит «песок», а *раммаль* — это уличный астролог, предсказывающий будущее, чертя специальной палочкой по песку. По выражению отечественного востоковеда и историка А. Е. Крымского, «профессия не редкая, своего рода благородный способ ни-

щенствовать» [6, с. 56]. В своих работах, в частности в «Трактате о законе и мире» (رسالة القانون والدينيا), Ибн Зунбуль затрагивает, помимо прочего, некоторые вопросы астрологии и геомантии. В «Трактате о решении проблем в науке о песке» (كتاب في مقالات في حل المشكلات في علم الرمل) он проявляет большой интерес к мнемонике (*фанн таквийат аль-хафиза*) [7, р. 5].

Однако бытующее мнение о том, что в молодости Ибн Зунбуль зарабатывал на жизнь гаданием по песку и даже мог служить мамлюкскому султану Кансуху аль-Гури в качестве придворного геоманта, спорно. Как следует из его сочинения «Конец временной династии и приход династии османов»¹ (انفصال دولة الأوان واتصال دولة بني عثمان), о котором речь пойдет ниже, Ибн Зунбуль называет себя лишь передатчиком (*накиль*) одной истории, предсказанной неким геомантом (*раммалем*) [8, р. 82].

Биографических сведений об Ибн Зунбуле немного. Те или иные события из его жизни можно вывести только из случайных отрывков в его собственных работах. Повествование событий в «Истории» Ибн Зунбуля заканчивается 1559 годом. В своем сочинении по географии и астрономии «Трактат о законе и мире» Ибн Зунбуль упоминает сон, в котором предсказывается убийство османского наместника Египта Махмуда-паши, произошедшее в 1567 г. В космографии «Дар королей...» он сообщает о том, что был в Абукире в окрестностях Александрии в 1544 г., а также упоминает о разговоре, который произошел между ним и одним испанцем в 1573 г. Таким образом, Ибн Зунбуль должен был быть невероятно долгоживущим, чтобы служить Кансуху аль-Гури в любом качестве [7, р. 4].

Тем не менее Ибн Зунбуль вполне вероятно мог быть свидетелем вторжения османского султана Селима I в Каир в 1517 г., поскольку его рассказ об этом событии яркий, подробный и реалистичный. В османский период какое-то время он состоял на службе в военном ведомстве [4, р. 180]. Большая часть его последующей жизни, похоже, была проведена на службе у наместника Египта Махмуда-паши в качестве толкователя снов и, возможно, геоманта, откуда могло произойти его прозвище «ар-Раммаль». Кроме того, Ибн Зунбуль подрабатывал тем, что писал книги.

«История» Ибн Зунбуля (полное название «Конец временной династии и приход династии османов»), опубликованная в 1998 г. под заглавием «Конец эпохи мамлюков и битва османского султана Селима с Кансухом аль-Гури» (آخرة المماليك) (وواقعة السلطان سليم العثماني مع قانصوه الغوري), является наиболее значимым его трудом. В нем автор, используя художественный стиль, повествует о поражении мамлюкского правителя Египта Кансуха аль-Гури от рук османского султана Селима I в битве при Мардж Дабике в 1516 г., оккупации султаном Селимом Сирии и о его завоевании Египта в битве при Ридании. Кроме того, в заключительной части книги содержит сведения об истории первых наместников Османской империи в Египте. Текст, опубликованный в Каире в 1998 г. под редакцией и с комментариями Абд аль-Мунима 'Амира [8], заканчивается тем, что османским наместником Египта назначен 'Али-паша ат-Таваша («евнух»), прибывший в Египет в 1559 г.

В статье предпринимается попытка определить, какую ценность представляет собой «История» в качестве исторического источника и насколько достоверна и надежна содержащаяся в нем информация о событиях Осmano-мамлюкской войны 1516–1517 гг. и о Египте в первой половине XVI в. в целом.

¹ Далее — «История» Ибн Зунбуля.

«История» Ибн Зунбуля является слабо изученным трудом, что по большей части объясняется недоверием к нему как к историку. А. Е. Крымский писал о нем: «Человек был Ибн Зунбуль несомненно образованный, с безусловно литературным навыком или умением, писатель если не высокой руки, то во всяком случае средней», — отмечая, что в его трактате «есть известная наукообразность» [6, с. 56]. Один из авторов «Кембриджской истории Египта» профессор Майкл Винтер сообщает о том, что Ибн Зунбуль «не был надежным летописцем, и его труд представляет собой своего рода исторический роман» [2, р. 491]. И если, судя по количеству сохранившихся рукописей «Истории», Ибн Зунбуль был одно время популярным автором [9, Sp. 298; 10, S. 409], то в настоящее время его мало кто читает [7, р. 4]. Несмотря на это, труд Ибн Зунбуля важен как подлинное выражение взглядов мамлюков на самих себя и свои устои. Так, академик В. В. Бартольд в работе «Халиф и султан» указывает, что «из арабских историков один, Ибн Зунбуль, является сторонником “черкесов”, из среды которых тогда выбирались египетские султаны, и излагает события с этой точки зрения» [11, с. 56–57]. Ценность «Истории» Ибн Зунбуля заключается также в том, что она написана современником и очевидцем событий, пусть и немного позднее этих событий.

«История» Ибн Зунбуля существует в нескольких версиях и ее можно скорее рассматривать как цепочку тесно связанных между собой вариантов, а не как единый текст. Многочисленные сохранившиеся рукописи носят различные, иногда противоречащие друг другу названия, однако в «Даре королей...» Ибн Зунбуль сам называл свой исторический труд «Конец временной династии и приход династии османов» [7, р. 5].

Текст «Истории» Ибн Зунбуля имел большой успех. Ни один другой рассказ об османском завоевании Египта не имел такой аудитории в период Османской империи, и только в XX в. «Диковинки цветов в событиях веков» Ибн Ийаса превзошел его известностью [12, р. 4]. Количество существующих рукописей дает лишь частичное представление о популярности текста Ибн Зунбуля, поскольку он передавался также устно. Кроме того, в произведении литературный письменный арабский язык перекликается с диалектными фразами и сочетаниями. Действие часто выражается не глаголами, а причастиями, что больше характерно для разговорного языка. Поэтому вполне вероятно, что дошедшие до нас рукописи представляют собой устные версии, которые были записаны для того, чтобы впоследствии снова использовать их для устного исполнения рассказа.

«История» Ибн Зунбуля была популярна не только в народе. Ее текст использовали некоторые более поздние летописцы — Абд ар-Рахман аль-Джабарти (1753–1822), Ибн Аби ас-Сурур (ок. 1588 — 1676) и Йусуф ибн Мухаммад аль-Маллавани, известный как Ибн аль-Вакиль (ум. в 1719 г.). Последний в своей работе «Дар друзьям по истории тех, кто правил Египтом из царей и наместников» (تحفة الأحباب بمن ملك مصر من الملوك والنواب) по истории египетских правителей не стал подробно останавливаться на событиях османского вторжения в Египет, сославшись на текст Ибн Зунбуля [13, р. 70]. «История» Ибн Зунбуля была популярна и в Османской империи и неоднократно переводилась на турецкий язык. Первым из османских авторов, адаптировавших ее для турецкого языка, был историк Ахмед Сухейли (ум. после 1632 г.), который добавил к тексту краткий обзор событий до 1628 г. [12, р. 5].

По жанру «История» Ибн Зунбуля скорее напоминает исторический или же рыцарский роман. Он проникнут героическими воспоминаниями о прошлом и посвящен печальным темам умирания рыцарства и гибели династий. Автор проявляет сочувствие и симпатию к обреченным мамлюкским рыцарям, но в то же время подчеркивает справедливость османского дела и рассудительное благочестие султана Селима. Этим объясняется слабость хронологии описываемых событий. В «Истории» Ибн Зунбуль с бесконечными подробностями рассказывает о героических атаках мамлюкской кавалерии и отражении этик атак османами с применением артиллерии. На поле боя произносятся торжественные призывы и возгласы, иногда оскорбляющие врага. Вместе с тем описание главных событий османо-мамлюкской войны в сочинении Ибн Зунбуля не противоречит ни хронологически, ни содержательно работам его младших современников, «строгих пуристов-классиков» [6, с. 57] Ибн Ийаса и Ибн Тулуна.

«История» Ибн Зунбуля начинается с рассказа о выходе мамлюкской армии из Египта в Сирию в мае 1516 г. Раздел о сирийском этапе войны повествует о напряженности в лагере мамлюков, описывает эскалацию конфликта с османами и завершается победой Селима I и смертью аль-Гури на поле боя в Мардж Дабике в августе 1516 г. Этот раздел составляет примерно одну шестую часть всего текста, в то время как описание завоевания османами Египта и противостояние мамлюкского султана Туманбея (октябрь 1516 — апрель 1517) занимает две трети сочинения Ибн Зунбуля. Далее текст становится более сжатым, хотя в нем и содержится немало подробностей о восстании 1520–1521 гг., поднятом Джанбирди аль-Газали (ум. в 1521 г.), мамлюкским эмиром, назначенным османским султаном наместником Сирии. Дается краткое описание победы Османской империи над рыцарями Родоса в 1522 г., восстания османского наместника Ахмеда-паши в Египте в 1523 г., отправки в Египет великого визиря Ибрагима-паши для наведения порядка и некоторых других событий. Заканчивается текст назначением ‘Али-паши ат-Таваши новым наместником Египта в 1559 г. За исключением ограниченного числа наиболее значимых событий, таких как выход войска аль-Гури в Сирию, битва при Мардж Дабике, избрание султаном Туманбея, его казнь, смерть Селима I и смерть Джанбирди аль-Газали, Ибн Зунбуль почти не приводит в своем сочинении дат. Кроме того, хронологическая организация произведения шаткая — временами рассказ то возвращается в прошлое, то перескакивает в будущее.

Два главных вопроса, поднятых в сочинении Ибн Зунбуля, связаны с основаниями конфликта между Селимом I и Кансухом аль-Гури, приведшего к войне, и причинами поражения в этой войне мамлюков. Известно, что Селим I, взойдя на престол, столкнулся с серьезными угрозами со стороны сефевидских правителей Ирана, которые поддерживали конкурентов Селима I, оспаривавших у него престол, и активно пытались распространить на территории Восточной Анатолии ислам шиитского толка. Мамлюкский султан аль-Гури был противником Сефевидов, однако в османо-сефевидском конфликте выбрал нейтральную и выжидательную позицию. Такая политика мамлюков была воспринята в Стамбуле как неприкрытое проявление враждебности [14, с. 34]. Селим I воспользовался обстоятельством и выпросил у улемов своего государства издание трех фетв [14, с. 36], которые гласили, что мамлюки откололись от общины мусульман и поэтому с ними необходимо вести священную войну как с неверными. Об этих фетвах упоминается и

в «Истории» Ибн Зунбуля в разговоре между Селимом и плененным им Туманбеем [8, р. 244].

Одной из причин Осmano-мамлюкской войны Ибн Зунбуль называет предоставление Кансухом аль-Гури убежища Коркуту, брату султана Селима и одновременно его сопернику в борьбе за престол. Ибн Зунбуль пишет: «Его [Селима] брат Коркут бежал в Египет и попросил защиты у аль-Гури, который отказался выдать его [Коркута] ему [Селиму]. Вражда между ним [Селимом] и аль-Гури усилилась, и произошло то, что произошло» [8, р. 87].

Кроме того, Ибн Зунбуль упоминает историю о том, как ‘Ала ад-Даула, наместник аль-Гури в провинции Мар‘аш (современный Кахраманмараш) в Сирии, отказался продавать продовольствие и фураж войскам султана Селима во время его похода против сефевидского шаха Исмаила, что привело к потерям среди османских воинов и конницы. Султан Селим был крайне огорчен происшедшим, и его министры посоветовали ему сообщить об этом мамлюкскому султану в письме. В ответ на письмо аль-Гури заявил, что ‘Ала ад-Даула поступил неблагоразумно и не подчинился его приказу. Одновременно аль-Гури отправил втайне послание ‘Ала ад-Дауле, «благодаря его за то, что он сделал, и подстрекая его к войне с Селимом» [8, S. 88]. Из отрывка видно, что султан Селим и османская армия стремились поддерживать мирные отношения с мамлюками. Османские военные хотели купить продовольствие, а не захватить его силой. Кроме того, султан Селим пожаловался Кансуху аль-Гури на действия его наместника.

Согласно сведениям Ибн Зунбуля, воины аль-Гури, выступив из Египта в Сирию, полагали, что они, будучи при полном вооружении, направились во главе с султаном для того, чтобы выступить посредниками и примирить сефевидского шаха и султана Селима [8, р. 92]. Когда аль-Гури прибыл с войском в Сирию, он принял у себя посланника Селима. Посол предстал перед мамлюкским султаном и проявил крайнее почтение к нему. Тот его поприветствовал и спросил о делах Селима, на что посол ответил: «Он твое дитя, и он под твоим присмотром». Тогда аль-Гури сказал: «Если бы не тот факт, что он мне наподобие сына, я бы не прибыл сюда из Египта, взяв с собой всех ученых мужей, чтобы выступить мирным посредником между ним и шахом Исмаилом».

Будучи в Сирии, аль-Гури отправил десять своих рыцарей, вооруженных с головы до ног, во главе с эмиром Мугулбаем на встречу с султаном Селимом. Представ перед ним, они выстроились в один ряд. «Селим долго смотрел на них, и его охватил гнев. Тогда он сказал эмиру Мугулбаю: “О, Мугулбай, разве у твоего господина не было никого из улемов, которого он мог ко мне отправить [вместо тебя]? Но нет, он отправил этих десятерых, чтобы они вселили страх в сердца моих воинов и напугали их видом своего войска! Но я хитрее и у меня есть более коварный план”. После этого Селим велел казнить всех посланников аль-Гури за исключением Мугулбая. Селим приказал сбрить Мугулбаю бороду, надеть на него колпак, посадить верхом на хромого осла и отправить обратно к аль-Гури, заявив: “Передай своему господину, чтобы он готовился изо всех сил, так как я нагрюну на него подобно вспышке молнии и удару грома”» [8, р. 93–94].

Приведенные отрывки показывают, что действия Кансуха аль-Гури, описанные в «Истории» Ибн Зунбуля, были вызывающими и провокационными, хотя у него была возможность избежать войны и не отдавать Сирию и Египет османам.

Ибн Зунбуль сообщает также, что некий гадатель на песке предрек Кансуху аль-Гури, что его лишит власти человек, чье имя начинается на букву «син». Однако Аль-Гури и в голову не пришло, что этим человеком может быть османский султан Селим. Напротив, Кансух аль-Гури был уверен в том, что османы не осмелятся воевать с ним либо вторгнуться на территорию его владений. После услышанного предсказания его подозрение пало на одного из мамлюкских эмиров и наместников в Сирии по имени Сибай. Ибн Зунбуль по данному поводу сообщает: «Он [аль-Гури] даровал Сибая огромное вознаграждение, какое не предоставлял ни одному другому наместнику. Однако при этом султан был уверен, что именно от Сибая следует ждать предательства, так как тот желает сам стать султаном, как было сказано в предсказании астролога — гадалея на песке, который говорил про букву “син”. Он и представить не мог, что Селим когда-нибудь вторгнется в Египет, зная о мужестве черкесов» [8, р. 83]. В повествовании Ибн Зунбуля подразумевается, что падение Кансуха аль-Гури отчасти произошло из-за его необоснованного недоверия к верному эмиру Сибая. Когда последний пытался предостеречь аль-Гури, советуя ему не выходить в поход из Египта и обещая, что сам сможет дать отпор османской армии, султан аль-Гури не последовал совету, будучи уверен, что Сибай и есть его главный враг. Он не послушал и предостережения Сибая о враждебном настроении наместника Халеба эмира Хайр-бека.

Ироничное использование рассказа о пророчестве не новое явление в арабской исторической традиции Средневековья. Так, в хронике «Диковинки цветов в событиях веков» Ибн Ийас, родившийся примерно за полвека до Ибн Зунбуля, использовал подобный рассказ применительно к более раннему периоду. Согласно сообщению Ибн Ийаса, прорицатели сказали аль-‘Адилю Туманбею I, мамлюкскому султану, правившему в 1501 г., что он будет свергнут человеком, чье имя начинается с буквы «каф». Туманбей решил, что речь идет об эмире Касрухе, но впоследствии был свергнут Кансухом аль-Гури [7, р. 7].

Изначальное нежелание османов воевать с мамлюками подтверждается тем, что после поражения в Чалдыранском сражении сефевидская армия хоть и значительно ослабла, все же не была окончательно побеждена. Османы опасались возможности заключения договора между мамлюками и Сефевидами, но последних считали более серьезной угрозой. Когда Селим привел мощную армию к северным областям Сирии, неясно, собирался ли он воевать против мамлюков или против персов. По утверждению М. Винтера, «наступление мамлюкской армии под руководством султана Кансуха аль-Гури на сирийско-османскую границу, даже если оно имело только оборонительный характер, было необычным шагом, и Селим справедливо посчитал его началом военных действий» [15, р. 6].

Двумя главными причинами поражения мамлюков в войне с османами Ибн Зунбуль называет использование в армии Селима огнестрельного оружия и предательство некоторых мамлюкских военачальников, в первую очередь Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали. Однако стоит подчеркнуть, что обе причины подчинены всемогущей роли судьбы и Божьего провидения, на что неоднократно указывается в тексте. Еще одной причиной гибели Мамлюкского султаната, согласно Ибн Зунбулю, была разобщенность в рядах мамлюкской армии, частично вызванная фаворитизмом Кансуха аль-Гури по отношению к молодым гвардейцам (*джулбан*), подчинявшимся лично ему, в ущерб мамлюков-ветеранов, служивших преж-

ним султанам (*караниса*) [8, p.100]. Этот фаворитизм был настолько ярко выражен, что основной удар в сражениях ложился на плечи мамлюков-каранис число которых султан намеревался сокращать, в то время как мамлюки-джулбан едва участвовали в сражениях и несли меньше потерь. Эту проблему отмечал и Ибн Ийас, однако Ибн Зунбуль уделил ей больше внимания. Свой вклад в деморализацию армии мамлюков внесли и изменнические действия Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали, которые вместе со своими отрядами перешли на сторону врага. Еще одной причиной поражения мамлюков Ибн Зунбуль называет численное превосходство армии султана Селима.

Что касается военного превосходства, то мамлюки, не использовавшие на поле боя ни ружей, ни пушек, более чем на столетия отстали от своих противников. В период правления османского султана Мехмеда II Фатиха (1444–1446, 1451–1481) — завоевателя Константинополя — турки уже активно использовали артиллерию, которая составляла значительную часть их вооружения.

Израильский востоковед Давид Аялон, специализировавшийся на истории мамлюкских династий Египта, в работе «Порох и огнестрельное оружие в королевстве мамлюков» («Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom») подробно изучил историю использования огнестрельного оружия в Османском государстве и в Мамлюкском султанате. Он пришел к выводу, что первое упоминание об использовании мамлюками огнестрельного оружия относится к 60-м годам XIV в., что более чем на 40 лет отстает от первых зафиксированных в источниках случаев в Европе, но при этом опережает Османскую армию примерно на 60 лет. Однако слишком смело утверждать, что мамлюки были первопроходцами мусульманского мира в применении такого вооружения, потому что они в целом не знали, как извлечь выгоду из этого преимущества и преобразовать огнестрельные орудия в оружие, играющее в бою решающую роль [16, p.1–4]. Что касается османов, то первые не вызывающие сомнений сведения об использовании ими пушек относятся к 1424 г., когда во время обороны Адалии (Анталии) османы убили командующего осадой Караманоглу Мехмеда-бея точным выстрелом из пушки. Это событие отмечено как минимум в двух османских хрониках [16, p.142]. Есть и более ранние, но менее достоверные сведения об эффективном использовании пушек османами.

Ибн Зунбуль описывает османское артиллерийское вооружение в каирских событиях 1517 г. следующим образом: «У Селима было 800 пушек, 200 из которых он оставил в Сирии. С собой в Египет он привез 600 пушек, из них 150 больших, остальные — дарбзены², каждая длиной 25 шибров (пятей). Одну маленькую пушку тянули четыре лошади. Что касается больших пушек, то каждую из них тянули 30 или 40 лошадей, и каждая была покрыта красным сукном» [8, p.209].

Роль огнестрельного оружия в достижении османами ошеломительных побед в войне с мамлюками — одна из ключевых тем в произведении Ибн Зунбуля. Однако автор, воспевая рыцарские достоинства и героизм мамлюкских бойцов, использует подавляющее превосходство османского огнестрельного оружия как для защиты чести и репутации армии мамлюков, так и для принижения победы османов. Аргументация Ибн Зунбуля следующая: выиграть битву при помощи такого смертоносного оружия — это еще не значит доказать эффективность армии. Напротив,

² Дарбзены (тур.) — фальконеты; разновидность легких пушек, состоявших на вооружении в армиях и флотах в XVI–XVIII вв.

армия, которая использует огнестрельное оружие, имеет тенденцию к разложению и потере своего боевого потенциала, который проистекает исключительно из мастерства верховой езды. Только война с использованием традиционных методов и оружия способна показать, какая из сторон сильнее. Ибн Зунбуль не имел ни малейшего сомнения в превосходстве мамлюков, как отдельных рыцарей, так и всей армии в целом. На протяжении всего повествования рыцарское искусство (*фурусийя*) и отвага (*шаджаа*) мамлюков резко контрастируют со слабыми навыками верховой езды и недостатком храбрости османов.

Огнестрельное оружие, согласно Ибн Зунбулю, приводит не только к потере боевых качеств армии, но и к ее деморализации. Такая армия становится трусливой и ненадежной, и эта ненадежность и моральная неустойчивость особенно заметны в том, что она осмеливается использовать такое оружие против своих собратьев-мусульман. Более того, использование огнестрельного оружия противоречит мусульманским традициям в целом и освященным веками обычаям великих борцов раннего ислама в частности. Хотели бы мамлюки внедрить огнестрельное оружие в свою армию, они с легкостью бы это сделали, однако они воздержались от такого курса ввиду неблагородного и безнравственного характера такого вида оружия.

В этом контексте показателен приведенный в «Истории» Ибн Зунбуля диалог, несомненно вымышленный, между султаном Селимом и попавшим в плен к османам мамлюкским эмиром Куртбеем. Этот диалог, состоявшийся в Сирии после битвы при Мардж Дабике, отражает рыцарское упорство египетского военачальника и воинский этос мамлюков в целом. Во время разговора с Селимом, поняв, что смерти не избежать, Куртбей, отбросив вежливость и этикет, «стал говорить словами отчаявшегося человека, который прощается с жизнью». Он сказал султану Селиму, что всего один мамлюкский воин может разбить всю его армию, добавив: «Если ты не веришь, то проверь. Только, прошу тебя, прикажи своим воинам, чтобы они не открывали огонь!»

Куртбей заявил Селиму, что трое из мамлюкских эмиров — он сам, Туманбей и эмир Аллан — могут сразиться с целой армией, и тогда османский султан воочию увидит подвиги, совершаемые этими тремя рыцарями. «Ты познаешь сам себя, — сказал Куртбей Селиму, — являешься ли ты царем или достоин ли ты того, чтобы стать царем. Ибо лишь опытные и доблестные мужи достойны царства — такие, какими были наши праведные предки, да будет доволен ими Бог! Посмотри на истории их жизней. Какими отважными был 'Умар ибн аль-Хаттаб... и 'Али ибн Аби Талиб... Ты же собрал войско со всех концов света — и христиан, и ромеев³, и других, и ты принес с собой это устройство, изобретенное франками, которые не смогли противостоять мусульманским армиям. Это устройство, ружье⁴, таково, что даже женщина может сдержать группу мужчин, если выстрелит из него. Если бы мы выжили стрельбу из оружия, то вы не смогли бы нас превзойти. Однако мы — люди,

³ Ромеи (*ар-рум*, мн.ч. *аль-арвам*) — многозначный термин, которым в арабских средневековых источниках называли правящие династии и жителей Малой Азии (до падения Константинополя — византийцев, или греков, после — турок-османов).

⁴ *Бундук* (букв. «пули») — в тексте Ибн Зунбуля означает любое огнестрельное оружие, а также стрельбу из него. Кроме того, в тексте используются арабские термины *бундукийя* — «ружье» или, применительно к описываемым событиям, «аркебуза», и *мидфа'* — «пушка».

которые не нарушают сунну нашего Пророка Мухаммада. Позор тебе! Как ты смеешь открывать огонь по тем, кто свидетельствует о единобожии и посланнической миссии Мухаммада (да благословит его Бог и приветствует!)?» [8, р. 139–140]

Впрочем, некоторые попытки внедрить огнестрельное оружие, как артиллерийское, так и стрелковое, в египетскую армию все же предпринимались в последние десятилетия существования Мамлюкского султаната. Султан Кансух аль-Гури, столкнувшись с угрозой роста османской державы, которая непрерывно вела наступательные захватнические войны, а также с появлением португальских военно-морских сил у восточных границ, встал перед вопросом модернизации египетской армии. Султан сделал ставку на развитие старой проверенной военной системы с упором на кавалерию и холодное оружие. При этом аль-Гури все же пошел на уступки в использовании огнестрельного оружия. Однако все они не имели успеха, наталкиваясь на одно решающее условие: существующая структура мамлюкского военного общества не должна была подвергаться каким-либо серьезным изменениям, так как это непременно привело бы к реорганизации всего мамлюкского общества со всеми его концепциями и устоями [16, р. 47]. План аль-Гури по реорганизации военных сил включал три главные задачи: значительно увеличить изготовление пушек, возродить обучение фурусии и традиционным методам ведения войны и расширить воинское подразделение аркебузирова.

Через несколько лет после прихода к власти Кансух аль-Гури основал пушечно-литейный завод (*масбак*) недалеко от построенного им же ипподрома (*майдан*) в Каире. Каждая новая партия пушек из литейного завода направлялась в Риданию для проведения испытаний на прочность. Эти мероприятия всегда проводились в присутствии султана [16, р. 48]. Завод изготавливал пушки в достаточно большом количестве, однако султан Кансух аль-Гури не взял с собой артиллерию в поход против султана Селима. Известно, что в феврале 1516 г., т.е. незадолго до похода в Сирию, аль-Гури отправил около двухсот артиллерийских орудий в Александрию с целью обороны средиземноморских прибрежных территорий от возможной атаки османов с моря.

Когда османы атаковали войско мамлюков при Ридании, артиллерийские орудия Туманбея не были использованы, так как турки обошли с фланга и с тыла захватили все пушки, большинство из которых не произвели ни единого выстрела. Данный рассказ приводят и Ибн Ийас [17, р. 146], и Ибн Зунбуль [8, р. 127–128], причем последний аргументирует неудачу предательством одного из эмиров Джанбирди аль-Газали, который заранее написал письмо султану Селиму, сообщая о дислокации войск Туманбея и расположении пушек.

Первые аркебузы (*бундук ар-расас*) появились в мамлюкском Египте примерно за десять лет до восшествия на трон Кансуха аль-Гури в период правления султана Кайтбея (1468–1496) [16, р. 59]. Они использовались главным образом на охоте (преимущественно на дичь) и были малоэффективны в бою. Широкомасштабное внедрение аркебузы в армию должно было повлечь далеко идущие изменения в ее организации и методах ведения войны. Снарядить мамлюкского воина аркебузой означало отобрать у него лук и лишить его коня, тем самым низведя его до униженного статуса пехотинца. Верховая езда и вся ее атрибутика были стержнем, вокруг которого вращался образ жизни высшего класса мамлюков и от которого он черпал свою придворную гордость и чувство превосходства.

Любая попытка расширить использование аркебузы должна была быть основана на немамлюкских и, следовательно, более низких по социальному положению армейских единицах. Такими были отряды *халка*, костяк которых составляли *авляд ан-нас* (букв. «сыновья [выдающихся] людей») — дети мамлюков, которые рождались свободными мусульманами и не имели тех привилегий, которые были у их отцов или дедов. Служба в таком отряде была низкооплачиваемой. Сумма, которую аркебузиры из подразделения *халка* получали в период военной экспедиции, составляла менее одной трети стандартного вознаграждения мамлюка [16, р. 65]. Одно время аркебузы выдавались чернокожим рабам, состоявшим в армии, что приводило к возмущению военной элиты и даже к мятежам. Отряды аркебузирова отправлялись преимущественно в составе военных экспедиций против португальцев в Индийском океане. В войне с османами аркебузиры практически не участвовали, видимо потому что султан Кансух аль-Гури решил взять в поход только отборные отряды личных мамлюков и мамлюков, находящихся в подчинении эмиров. Эти отряды значительно превосходили по статусу подразделения, вооруженные огнестрельным оружием.

Ибн Зунбуль передает сведения о том, что мамлюки были знакомы с ружьями и предпринимали попытки их приобретения из-за рубежа. Одним из наиболее интересных рассказов об этом является история о некоем *магриби* — мусульманине с арабского Запада, который прибыл с ружьем (*бундукийя*) ко двору Кансуха аль-Гури и заявил султану, что мамлюки будут обречены, если не примут огнестрельное оружие. Магрибинец сообщил султану, что привезенные им ружья были изготовлены в Венеции и что «все армии Рума и Запада используют их». Однако султан якобы отверг чудовищное устройство как христианское и заявил, что будет продолжать следовать сунне Пророка Мухаммада. «Магрибинец вернулся [в свою страну] со словами: “Тот, кто останется жив, увидит, как этот султан будет разбит при помощи ружей”» [8, р. 140]. Этот рассказ передается устами пленного эмира Куртбея в уже упомянутом диалоге между ним и османским султаном Селимом.

Когда же Селим спросил Куртбея о том, почему же османы победили таких храбрых наездников-мамлюков, следующих беспрекословно Корану и сунне, Куртбей ответил, что так было предопределено Богом, который «назначает срок всякому царству» и что та же участь рано или поздно постигнет государства османов [8, р. 141].

Решение мамлюков не использовать ружья исходит, согласно рассказу Ибн Зунбуля, из их высоких убеждений, однако реальная картина намного прозаичнее. Мамлюки не использовали аркебузы, так как с ними было сложно обращаться, сидя верхом на лошади, а фурусия была основой военной системы мамлюков. Стрельба со скачущей лошади была неудобной и неэффективной, а в представлениях мамлюков о тактике ведения боя не вписывался пехотный строй, удобный для использования стрелкового оружия [18, р. 153]. Таким образом, эта проблема не имела ничего общего с сунной Пророка Мухаммада, а многочисленные диалоги между героями произведения Ибн Зунбуля служили лишь превосходным способом для обоснования правоты той или иной стороны конфликта.

Работа Ибн Зунбуля создавалась на фоне поражения мамлюков, и ее главной задачей было объяснить это поражение. Отсюда враждебное отношение автора к огнестрельному оружию. Многие рассказы и события в его книге являются легендарными или по крайней мере сильно преувеличенными. Несмотря на это, невоз-

можно игнорировать общее настроение, на фоне которого разворачиваются события. Ненависть и презрение мамлюков, которыми проникнута работа Ибн Зунбуля, по отношению к огнестрельному оружию и тем, кто его использует, — несомненно, продукт их поражения от оружия османов.

После османского завоевания Египет стал провинцией империи, в которой огнестрельное оружие выдавалось только представителям военной элиты. Мамлюки вошли в состав отдельного «черкесского» корпуса, или оджака, сформированного в 1524 г. султаном Сулейманом Кануни («Законодателем») (1520–1566). Часть мамлюков вошла также в другие гарнизоны-оджаки [19, с. 40]. Будучи независимыми султанами, мамлюки не желали использовать огнестрельное оружие в своей армии. Однако под властью османов они вынуждены были принять его. Ввиду скудости современных событиям источников, описывающих ранний османский период, трудно детально проследить процесс трансформации мамлюков от лучников и копейщиков до воинов, использующих огнестрельное оружие. Если первые аркебузы крайне трудно было использовать сидя верхом на лошади, то позже были изобретены новые виды оружия — прототипы кавалерийских карабинов и улучшенных версий пистолетов, которыми всадники могли без труда пользоваться [16, р. 96]. Техническое развитие устранило главную, хотя и не единственную причину отказа мамлюков от огнестрельного оружия. Сведений о том, что мамлюки в период османского правления вынуждены были спешиваться, чтобы применить огнестрельное оружие, нет, при этом мамлюки оставались всадниками с момента формирования полка бахритов в середине XIII в. вплоть до момента их истребления Мухаммадом 'Али в начале XIX в.

Несмотря на введение нового вида оружия, не подверглась каким-либо значительным изменениям и мамлюкская тактика ведения боя, основанная на принципе *аль-карр ва-ль-фарр* («атаковать и убежать»), суть которой заключается в чередовании быстрых атак и отступлений с интенсивным использованием копий, мечей и стрел для ослабления врагов.

Согласно Ибн Зунбулю, главной причиной перевеса сил на поле боя в пользу османской армии было использование турками огнестрельного оружия. Более того, это проявлялось в сражениях не только с мамлюкским, но и с иранским войском. Ибн Зунбуль описывает битву при Чалдыране следующим образом: «Затем султан Селим отправился сразиться с шахом Исмаилом. Они договорились, что не будут применять огонь, а будут сражаться только на мечах и копьях. И часа не прошло, как Селим и его войско стали терпеть поражение, так как османы не в силах сражаться с персами без огня. Тогда он приказал аге янычар открыть огонь. Не прошло и часа, как армия Исмаила была поражена. Против огня никто не может устоять» [8, р. 89].

Описание хода сражений, отдельных поединков, военной атрибутики у Ибн Зунбуля детальное и красочное. Особенно грандиозно и устрашающе выглядит в его рассказе османское войско, которое было чуждым для жителей Египта и потому запомнилось в самых ярких красках. В главе, посвященной сражению в селении Вардан на окраине провинции Гиза, Ибн Зунбуль сообщает: «Когда он [Селим] вошел в Каир, то ряд из его пушек начинался в районе Ридании, а заканчивался в Ханаке. Его войско походило на армию термитов в высохшем русле реки. Справа двигались всадники на конях, держа в руках пики. Они поднимали вверх красные знамена количеством около двадцати — двадцати пяти тысяч. Слева та же карти-

на — всадники и желтые знамена. Перед ними строем примерно в двадцать рядов шли янычары, и их количество в каждом ряду не счесть. Впереди них шли знаменосцы, барабанщики, министры и паша... На семи знаменах золотом вышиты имена его [Селима] дедов, на двадцати четырех знаменах — его собственное имя... Еще было белое знамя, большее по размеру, чем все остальные. Я спросил про него, и мне ответили: «Это знамя ислама» [8, р. 209–210].

Ибн Зунбуль упорно держится за сюжетную линию, что заставляет его упустить некоторые исторически важные детали, такие как появление португальцев в Индийском океане, массовые репрессии против мамлюков или высылка из Египта видных чиновников после османского завоевания. Однако у каждого события в его «Истории» есть причина и следствие, как реальные, так и вымышленные либо сверхъестественные. По сравнению с традиционными историками периода мамлюков, Ибн Зунбуль проявляет большой интерес к мотивам главных героев и часто прибегает к диалогу, чтобы прояснить эти мотивы. Диалоги, равно как и красноречивые монологи, используются историком для постановки сложных политических вопросов и предложения альтернативных стратегий.

«История» Ибн Зунбуля повествует о войне между двумя мусульманскими суннитскими режимами, и в прямой речи главных героев изображаются драматические дебаты о противопоставлении легитимности мамлюкских и османских султанов. Султан Селим утверждает, что приобретение им власти над Сирией законно, так как он султан и сын султана, чью династическую генеалогию можно проследить вплоть до Ноя. Род Османов — это «добротное древо с крепким корнем, ветви которого устремлены в небо» [8, р. 154–156]. Селим отправился в поход против мамлюков, заручившись соответствующими фетвами улемов и имея целью лишь вести джихад против неверных и стать защитником священных городов Мекки и Медины. Мамлюки, согласно его утверждению, напротив, были бывшими рабами и христианами по происхождению, которые регулярно свергали и убивали своих султанов. С точки зрения мамлюкской стороны османское вторжение на сирийские и египетские территории было неправомерным и мамлюки имели право сопротивляться, ибо Коран санкционирует самооборону. Мамлюки борются, чтобы защитить своих жен и детей. Кроме того, мусульмане не могут нападать на мусульман и вести с ними войну. Так, в разговоре с Селимом Туманбей воскликнул: «Мы мусульмане. Так как ты можешь считать правомерным убивать мусульман и как ты можешь стрелять по ним из этих пушек и ружей? Как же ты будешь себя вести, стоя перед Господом миров, каков при этом будет твой ответ? Любой правитель, каким бы великим он ни был, лишь покорный раб Бога. Ты и я — мы всего лишь рабы» [8, р. 243–244].

В тексте Ибн Зунбуля присутствуют и стихи. Так, накануне битвы при Гизе Туманбей останавливается со своими ближайшими соратниками у египетских пирамид. Осознавая неминуемый крах мамлюкской империи, один из его эмиров по имени Кайт Рахби заявил, что хочет увековечить предстоящую битву в стихах и сохранить для будущих поколений память о событиях войны. Они подошли к западной пирамиде. «Туманбей стал напевать, эмир Кайт Рахби слушал, а эмир Шар-бек записывал на пирамиде строки прекраснейшей муаллаки, в которых описывались все события с начала войны и до настоящего момента» [8, р. 165]. Далее следует полный текст касыды, состоящей из 94 стихов и написанной на классическом арабском языке. В стихотворении есть такие слова: «Когда Бог возжелал, пришли к нам

ромеи со стороны Ирака». Этот рассказ, если он правдив, подтверждает, что султан Селим в начале своей военной кампании следовал в Персию, чтобы сразиться с сефевидским шахом Исмаилом, после чего неожиданные действия со стороны Кансуха аль-Гури побудили его изменить маршрут и направиться в Сирию.

Повествование Ибн Зунбуля фокусируется на трех главных героях: султани Туманбее — воплощении доблести и рыцарства, эмире Хайр-беке, завистливым и злобном предателе, и султани Селиме, суровом и кровожадном, но пронизательном правителе, который не может не признать заслуги своих мамлюкских противников.

Что касается Туманбея, то на его плечи легла нелегкая задача отбить османскую угрозу. Отправляясь в Сирию, Кансух аль-Гури назначил Туманбея *наибом аль-гайба* (наместником султана в период его отсутствия). После поражения мамлюков в битве на равнине Мардж Дабик и гибели на поле боя султана аль-Гури, эмиры в Каире избрали новым султаном Туманбея, который прекрасно осознавал свою неспособность защитить Египет от османов. Еще до вторжения османов в Египет Туманбей получил послание от Селима, в котором тот предложил ему признать себя вассалом турецкого султана и сохранить существующее положение в стране. Главным условием Селима, согласно Ибн Зунбулю, было осуществление сикки и хутбы (атрибутов верховной власти) в честь османского султана. Туманбей обрадовался такому предложению, которое означало, что войны и кровопролития можно избежать. Однако он не успел ответить на предложение Селима, так как один из его эмиров в гневе убил османских гонцов, обрушив тем самым надежды Туманбея на мирный исход [8, p. 119].

Когда в конце войны Туманбей был доставлен пленником султану Селиму, между ними состоялся откровенный разговор, после которого Селим не стал скрывать своего восхищения рыцарскими достоинствами последнего мамлюкского султана, заявив: «Ей-богу, таких людей не убивают». Ибн Зунбуль изображает Селима человеком рассудительным и дальновидным, который смог оценить по достоинству силу, благородство и отвагу мамлюкских рыцарей. Более того, согласно Ибн Зунбулю, решение казнить Туманбея было принято под воздействием доводов эмира Хайр-бека, который втерся в доверие к османскому султану и на протяжении всей войны был его ближайшим советником. За преданность ему было обещан «пожизненный» титул египетского паши (губернатора).

Султан Селим сдержал слово, назначив двух мамлюкских эмиров-перебежчиков Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали наместниками в Каире и Дамаске соответственно [8, p. 264]. Хайр-бек, получив от султана титул «короля эмиров» (*малик аль-умара*) оставался пашой Египта, пока не умер от чумы в 1522 г. Похоронен в построенном им погребальном комплексе в районе Баб аль-Вазир на юге Каира, к которому позже была пристроена мечеть и медресе, сохранившиеся до наших дней. Свое презрение к эмиру-предателю Ибн Зунбуль выражает в одной поучительной истории, согласно которой любой, кто проходит мимо мавзолея Хайр-бека, слышит, как изнутри доносятся его пронзительные крики.

Помимо прочего, «История» ибн Зунбуля представляет собой прекрасный источник для тех, кто исследует архитектуру и планировку средневекового Каира, а также его окрестностей. Автор дает подробное и яркое описание улиц и районов, в которых проходили боевые действия и уличные бои между мамлюками и турками. В книге есть даже целая глава, где автор делает отступление, чтобы перечислить

различные улицы Каира с описанием домов, в которых проживали мамлюкские эмиры со своими семьями.

Работа Ибн Зунбуля заставляет задуматься над некоторыми причинно-следственными связями судьбоносных событий тех времен, требующими отдельного изучения. Так, султан Кансух аль-Гури, который в описании Ибн Зунбуля действовал излишне самоуверенно и недальновидно, совершая множество ошибок в проводимой им внешней политике, долгое время не допускал мысли о том, что османский правитель Селим I отважится вступить с ним в войну. Это обстоятельство наталкивает на вопрос, только ли недальновидность аль-Гури заставляла его верить в непобедимость армии черкесов или же отношения между мамлюками и османами в тот период не допускали возможности военной конфронтации. Как бы там ни было, узнав об отправке армии Селима I в Персию, Кансух аль-Гури выступил в поход во главе отборных войск, прихватив с собой всю казну и действовавшего на тот момент халифа Муттаваккиля, явно готовясь к военным действиям.

Заключение

Несмотря на весьма скептическое отношение некоторых исследователей к сочинению Ибн Зунбуля, трудно с уверенностью назвать его ненадежным и недостоверным материалом, так как в целом представленные в нем сведения не противоречат работам Ибн Ийаса и Ибн Тулуна — двум главным источникам по изучаемому периоду. Не стоит также недооценивать тот факт, что Ибн Зунбуль был очевидцем описываемых им событий, по крайней мере тех, которые произошли на территории Египта. Следует учитывать, что, хотя приводимые им диалоги и речи главных героев, несомненно, вымышленные, они помогают читателю вжиться в ту эпоху, проникнуться ее атмосферой и посмотреть на события глазами современников. Художественный характер сочинения, сделавший его популярным среди народа, не умаляет, на наш взгляд, его значимости как исторического источника. Более поздние арабские летописцы активно цитировали Ибн Зунбуля в своих сочинениях, что также добавляет ему доверия.

Как исторический источник сочинение Ибн Зунбуля предоставляет интересные и оригинальные сведения о событиях Осmano-мамлюкской войны 1516–1517 гг. В первую очередь оно дает описание общества, которое находится на пути к неизбежным изменениям, и воинов-мамлюков, ведущих отчаянную борьбу против неминуемого краха своей империи. Ибн Зунбуль, которому суждено было в течение жизни служить и мамлюкским, и сменившим их османским правителям, не принял ни одну из сторон конфликта и подарил читателю в целом беспристрастный рассказ об осmano-мамлюкских отношениях. Если подходить к его сочинению с разумной критикой, то можно почерпнуть немало ценной информации как об общей ситуации в мусульманском мире, так и об отдельных событиях и сферах жизни общества в первой четверти XVI в.

Литература

1. *Ayalon D. The End of the Mamlūk Sultanate (Why did the Ottomans Spare the Mamlūks of Egypt and Wipe out the Mamlūks of Syria?) // Studia Islamica. 1987. № 65. P. 125–148.*

2. The Cambridge History of Egypt. Vol. 1. Islamic Egypt, 640–1517 / ed. by Carl F. Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 618 p.
3. *Al-Zirikli, Khair al-Din*. Al-'Alam. Qamus tarajim li'ashhar al-rijal wa-al-nisa' min al-'Arab wa-al-musta'ribin wa-al-mustashriqin. Beirut: Dar al-'Ilm li-al-malayin, 2002. J. 6. 335 p. (Ha араб.)
4. *Al-Zirikli, Khair al-Din*. Al-'Alam. Qamus tarajim li'ashhar al-rijal wa-al-nisa' min al-'Arab wa-al-musta'ribin wa-al-mustashriqin. Beirut: Dar al-'Ilm li-al-malayin, 2002. J. 1. 336 p. (Ha араб.)
5. The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1986. 1270 p.
6. *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы (XIX — начало XX века). М.: Наука, 1971. 794 с.
7. *Irwin R.* Ibn Zunbul and the romance of history // Writing and Representation in Medieval Islam. Muslim Horizons / ed. by J. Bray. London: Routledge, 2006. P. 3–14.
8. *Ibn Zunbul, al-Sheikh Ahmad al-Rammal*. 'Akhirat al-mamalik wa-waqi'at al-sultan Salim al-'uthmani ma'a Qansuh al-Ghuri. Cairo: Al-Hay'a al-misriyyatu-l'amma li-l-kitab, 1998. 326 p. (Ha араб.)
9. *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur (GAL). Bd. II. Berlin: Verlag von Emil Felber, 1902. 717 S.
10. *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur (GAL). Zweiter Supplementband. Leiden: E. J. Brill, 1938. 1047 S.
11. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: Наука, 1966. 785 с.
12. *Lellouch B.* Ibn Zunbul // Historians of the Ottoman Empire. The University of Chicago. 2006. 10 p. URL: <https://ottomanhistorians.uchicago.edu/en/historians/63> (дата обращения: 10.02.2021).
13. *Ibn al-Wakil, Yusuf*. Tuhfat al-'ahbab biman malaka misr mina-l-muluk wa-l-nuwwab. Cairo: Dar al-'afaq al-'arabiyya, 1999. 295 p. (Ha араб.)
14. *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М.: Восточная литература, 2001. 287 с.
15. *Winter M.* Egyptian Society under Ottoman Rule: 1517–1798. London; New York: Taylor & Francis, 2005. 324 p.
16. *Ayalon D.* Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom: a Challenge to a Mediaeval Society. London: Vallentine Mitchell & Co Ltd, 1956. 155 p.
17. *Ibn 'Iyas, Muhammad ibn Ahmad al-Hanafi*. Bada'i' al-zuhur fi waqa'i' al-duhur. Cairo: Al-Hay'a al-misriyyatu-l'amma li-l-kitab, 1984. J. 5. 496 p. (Ha араб.)
18. *Зеленев Е. И.* Египет. Средние века. Новое время. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 340 с.
19. *Куделин А. А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.). М.: РУДН, 2017. 180 с.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2021 г.;
рекомендована к печати 13 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Рыженкова Тамара Алексеевна — t.ryzhenkova@spbu.ru

The Ottoman-Mamluk War of 1516–1517 as Described by the Egyptian Historian Ibn Zunbul

T. A. Ryzhenkova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Ryzhenkova T. A. The Ottoman-Mamluk War of 1516–1517 as Described by the Egyptian Historian Ibn Zunbul. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 4, pp. 569–587. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.407> (In Russian)

The author of this article focuses on the 16th century work “The End of the Temporary Dynasty and the Rise to Power of the Ottoman Dynasty” by the Egyptian historian Ibn Zunbul Al-Rammal (“History” by Ibn Zunbul) and the events of the Ottoman-Mamluk war of 1516–1517 described in it. This book is the author’s most significant work. It is written in an artistic style and recounts the defeat of the penultimate Mamluk sultan Qansuh al-Ghuri in the war with the Ottoman ruler Selim I and the subsequent occupation of Syria and Egypt by the Ottomans. In the work, Ibn Zunbul takes the greatest interest in two topics. First, he examines the causes of the conflict, which broke out between Selim I and Qansuh al-Ghuri and led to the collapse of the Mamluk empire. Second, Ibn Zunbul pose the question why the Mamluks lost the war against the Ottomans. Despite his undisguised admiration for the fighting qualities of the Mamluks as knights, their combat tactics and courage, he is forced to admit that they could not resist the firearms of the Ottomans, which they had been actively using for many decades. Ibn Zunbul’s “History” is one of three works in Arabic written by contemporaries that detail the Ottoman conquest of Egypt. The author attempts to define the significance of Ibn Zunbul’s work as a source in the history of Egypt in the first half of the 16th century.

Keywords: Ottoman Empire, Mamluks, Mamluk Sultanate, Egypt in the 16th century.

References

1. Ayalon D. *The End of the Mamlūk Sultanate: (Why did the Ottomans Spare the Mamlūks of Egypt and Wipe out the Mamlūks of Syria?)*. Studia Islamica, 1987, no. 65, pp. 125–148.
2. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 1.: Islamic Egypt, 640–1517. Ed. by Carl F. Petry. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 618 p.
3. Al-Zirikli, Khair al-Din. *Notes. Dictionary of Biographies of the Most Famous Arab Men and Women, Arabists and Orientalists*. Vol. 6. Beirut, Publishing House of Knowledge for Millions, 2002. 335 p. (In Arabic)
4. Al-Zirikli, Khair al-Din. *Notes. Dictionary of Biographies of the Most Famous Arab Men and Women, Arabists and Orientalists*. Vol. 1. Beirut, Publishing House of Knowledge for Millions, 2002. 336 p. (In Arabic)
5. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. VIII. Leiden, Brill, 1986. 1270 p.
6. Krymskii A. E. *History of New Arabic Literature (19th — early 20th century)*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1971. 794 p. (In Russian)
7. Irwin R. *Ibn Zunbul and the romance of history*. Writing and Representation in Medieval Islam. Muslim Horizons. Ed. by J. Bray. London, Routledge, 2006, pp. 3–14.
8. Ibn Zunbul, al-Sheykh 'Ahmad al-Rammal. *The End of Mamluks and the Battle of the Ottoman Sultan Selim with Qansuh al-Ghuri*. Cairo, General Egyptian Book Organization, 1998. 326 p. (In Arabic)
9. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Litteratur (GAL)*. Bd. II. Berlin, Verlag fon Emil Felber, 1902. 717 S.
10. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Litteratur (GAL)*. Zweiter Supplementband. Leiden: E. J. Brill, 1938. 1047 S.
11. Bartold V. V. *Essays*. Vol. 6. *Works on the History of Islam and the Arab Caliphate*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1966. 785 p.
12. Lellouch B. *Ibn Zunbul*. Historians of the Ottoman Empire. The University of Chicago. 2006. 10 p. Available at: <https://ottomanhistorians.uchicago.edu/en/historians/63> (accessed: 10.02.2021).
13. Ibn al-Wakil, Yusuf. *Curiosities of Beloved Friends about Those who Ruled in Egypt from Kings and Governors*. Cairo, Arab Horizons Publishing House, 1999. 295 p. (In Arabic)
14. Ivanov N. A. *Ottoman conquest of the Arab countries (1516–1574)*. Moscow, Vostochnaia literatura RAS Publ., 2001. 287 p. (In Russian)
15. Winter M. *Egyptian Society under Ottoman Rule: 1517–1798*. London; New York, Taylor & Francis, 2005, 324 p.
16. Ayalon D. *Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom: a Challenge to a Mediaeval Society*. London, Vallentine Mitchell & Co Ltd, 1956, 155 p.
17. Ibn 'Iyas, Muhammad ibn 'Ahmad al-Hanafi. *Curiosities of Flowers in the Events of the Centuries*. Vol. 5. Cairo, General Egyptian Book Organization, 1984. 496 p. (In Arabic)

18. Zelenev E. I. *Egypt. Middle Ages. New time*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999. 340 p. (In Russian)

19. Kudelin A. A. *Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (17th–18th Centuries)*. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Press, 2017. 180 p. (In Russian)

Received: May 15, 2021

Accepted: September 13, 2021

Author's information:

Tamara A. Ryzhenkova — t.ryzhenkova@spbu.ru